

Аналитическая записка. Республика Адыгея: проблемы реисламизации

Адыгея – республика в составе Российской Федерации. Расположена в северо-западной части Кавказа и занимает левобережье рек Кубани и Лабы (север республики – на Прикубанской низменности, юг – на склонах Большого Кавказа). Территория Адыгеи – 7,8 тыс. кв. км, население по данным переписи 2002 г. – 447 тыс. чел. В республике проживает более 80 национальностей. 68% населения – русские, 22,5% – адыгейцы (западные адыги), значительные этнические группы в Адыгее – украинцы (3,2%) и армяне (2,4%). Ислам у адыгейцев – суннитского толка. Специфика демографической ситуации в Адыгее заключается в преобладании здесь русского населения, что является следствием мухаджирского движения, когда в ходе и после окончания Кавказской войны 94% адыгского населения переселилось в Османскую империю.

Адыгейцы (западные адыги) составляют, наряду с современными кабардинцами и черкесами, группу адыгских народов, говорящих на родственных языках адыго-абхазской группы кавказской языковой семьи. Появление протоадыгских народов на юго-западе Северного Кавказа и Черноморском побережье относится к 1 тыс. до н.э. В античных источниках они обозначаются собирательным наименованием меоты, зихи, керкеты. Особенностью общественно-политического устройства адыгов в первой половине XIX века являлось деление их на две группы: «аристократические» (кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, махошевцы, мамхеговцы, бжедуги, натухаевцы, егерухаевцы, жанеевцы, адамиевцы) общества с княжеской властью и «демократические» (абадзехи, шапсуги, натухайцы) – с народным правлением. На протяжении всей истории функционирование адыгского социума основывается на принципах адыгагъэ (адыгства) и адыгэ хабзэ – базовой системы морально-нравственных и этических норм. Ни одна из монотеистических религий в действительности не оказала на адыгов влияния, сопоставимого с воздействием этих регуляторов общественных отношений.

Первые христиане стали появляться на территории Западного Кавказа в III-IV вв. – в Зихию, Абазгию и аланские земли в верховьях Кубани ссылаются христиане Римской империи. Наиболее интенсивное распространение христианства среди адыгов связано с эпохой византийского императора Юстиниана I (527-565). Уже в первой половине VI в. адыги, как и абхазы, имели две собственные епископские кафедры – в Тмутаракани и Никопсии (раннесредневековый город на Черноморском побережье у устья р. Нычепсухо). VI Вселенский собор (680-691) включил адыгские земли в состав Мцхетского (грузинского) патриархата. На рубеже VIII – IX вв. христианство

распространилось среди закубанских адыгов (касогов), тогда как на причерноморских адыгов (зихов) христианство оказало незначительное влияние. В дальнейшем распространении и поддержании христианства на Северо-Западном Кавказе значительную роль сыграли в X –XIII вв. Тмутараканская Русь, Абхазское государство (восточная часть адыгских земель контролировалась Севастопольской епископской кафедрой и Аланской кафедрой, основанной по инициативе абхазского князя Георгия в X в.). К XIII –XV вв. относятся попытки распространения католичества среди черноморских адыгов через генуэзские колонии и епископскую кафедру в Кафе.

Ислам стал впервые проникать в адыгскую языческо-христианскую среду уже в XIV в. через торговые, военные контакты и отношения аталычества с Золотой Ордой, соседним государством, официально заявившим об исламе как о своей государственной религии в XIV в. После взятия в 1475 г. турками Кафы и других городов черноморского побережья ислам распространяется в регионе с участием крымских ханов. Из крымцев особенно выделяется Шах-Абас-Гирей, насаждавший ислам среди черкесов во время своего похода. Мощным центром распространения ислам становится построенная турками крепость Анапа. К началу XVIII в. Черкесия фактически оказывается окруженной мусульманскими территориями – Турцией и Крымским ханством.

В конце XVIII в. в Кабарде разворачивается «шариатское движение», инициаторами которого были адыгские служители культа. Возглавил движение майор князь Адиль-Гирей Атажукин и эфенди Исхак Абуков. Шариатское движение ставило своей целью не только упразднение учрежденных русской властью в 1793г. в Кабарде «родовых судов» и «расправ» и организацию «духовного суда», но и выдвинуло широкую социальную программу уравнивания прав адыгских князей и дворян. В 1807 г. в Кабарде было введено 3 духовных суда «мехкеме», разбиравших все дела по шариату, за исключением споров представителей разных сословий, разрешавшихся на основании адата. Суды мехкеме прекратили свое существование в связи с завоеванием Кабарды Россией в 1822г. В дальнейшем шариатское движение охватило и отдельные общества Западного Кавказа - Шапсугию, Натухай, Бжедугию, Темиргой, Абадзехию: в 1841 г. на р. Пшеха состоялось крупное собрание с участием абадзехов, убыхов и шапсугов. На собрании был заключен договор (дефтер), в котором провозглашалось строгое следование шариату, регламентировались отношения с другими народами, Деятельность личных набов (представителей) Шамиля завершила в уже подготовленной среде реформы управления и суда по шариату. С начала 40-х гг. до конца 50-х гг. XIX в. Шамиль направил в Черкесию трех представителей. Хаджи-Магомет (май 1842 –май 1844) посетил аулы темиргоевцев, хатукаевцев и бжедугов, добился определенного влияния

среди абадзехов. Вторым наиб Шамиля на Северо-Западном Кавказе – Сулейман-Эфенди (февраль 1845- весна 1846) – якобы изменил Шамилю, был подкуплен русскими властями и заявил о своем отказе бороться против России. Наибольших успехов достиг третий наиб – Мухаммад-Амин (1848-1859). Им был введен шариат первоначально в Абадзехии, где было учреждено четыре мягкеме, затем одно мягкеме было введено у шапсугов и два - у натухайцев. Мягкеме состояли из одного муфтия и трех кадиев. Мухаммад-Амин ввел систему наказаний по шариату и штрафы за неисполнение религиозных обрядов. В каждом мягкеме действовала мечеть, суд, духовное училище, тюрьма или яма для заключения преступников, провиантский магазин, конюшня, помещения для судей, начальства и военной стражи. Им была введена конная стража – мутазиги, т.е. всадники, выставленные народом.

Активизация антиколониальной борьбы против российского проникновения на Кавказ способствует ускорению принятия ислама в Адыгее и делает его идеологической основой консолидации адыгских субэтнических групп. «Пока Турция делала попытки поработить страну, она оставалась, по крайней мере, по некоторым обрядам, христианской, когда же Россия начала ее завоевывать, она сделалась магометанской»,¹ - так охарактеризовал неустойчивую религиозную ситуацию в Черкесии польский полковник Т.Лапинский, сражавшийся во главе небольшого отряда. По тонкому наблюдению М.Губжокова, интересно, что практически не претерпело изменений традиционное представление адыгов о возможности человека изменять свою судьбу². Формируя осознание самих себя как членов мусульманской уммы, адыги остались привержены своим традиционным ценностям и представлениям об обществе, о времени, о судьбе и личном достоинстве. «Религиозная проповедь, - писал об исламе Адильгирей Кешев, адыгский писатель и публицист XIX в., печатавшийся в таких престижных журналах, как петербургская «Библиотека для чтения» и московский «Русский вестник», тонкий знаток адыгской культуры, - сулила адыгам одни загробные награды, тогда как ему по свойству его характера гораздо заманчивее казалось приобрести земную славу»³. Интересно, что когда Шамиль, уже уставший от войны и осознававший обреченность сопротивления России, в 1858 г. спрашивал своего наиба в Черкесии Мухаммада-Амина о возможности получить здесь убежище, его верный приверженец, для которого распространение ислама и шариата в Черкесии было делом всей жизни, с

¹ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С.88

² Губжоков М. Религиозное сознание адыгов // Религиозные верования адыгов. Хрестоматия исследований. Майкоп, 2000. С.555-557.

³ Каламбий (Адиль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1988. С.229.

сожалением произнес: «И через 20 лет черкесы не станут мусульманами, если им вообще суждено быть таковыми»¹.

Мусульманское сознание стало органичной, но не доминирующей составляющей адыгской культуры. В обрядовой сфере, за исключением похоронного ритуала, преобладали языческо-христианские традиции, не приходится и говорить о серьезном проникновении исламской догматики в сознание простых адыгов. Разные слои адыгского общества являлись носителями разной религиозности. В адыгском фольклоре - благопожеланиях, здравицах и проклятиях - имя Аллаха стало употребляться наряду с языческим богом Тхьэ – первым среди равных в адыгском пантеоне. Практически не претерпело изменений традиционное представление адыгов о судьбе – новая вера не привела к господству исламских представлений о предопределенности Аллахом личной судьбы. Этические принципы адыгства (адыгагъэ) способствовали гармоничному освоению и воспроизводству мусульманской этики, в свою очередь дополняющей уже существующие нравственные категории, прежде всего идею «псапе» - спасения души через благодеяние. В адыгском сознании сформировались представления, типологически сходные с мироощущением многих народов Кавказа, об адыгстве как о творении Бога и о Создателе на небесах и дарованном им адыгстве на земле.

Все адыгские духовные лица назывались эфенди. Данный термин был заимствован из Турции, где он в качестве формы обращения охватывал очень широкий круг лиц – наследников султанского дома, образованных людей, чиновников, высших армейских офицеров, духовенство, иностранцев. В адыгской среде это обозначение применялось только внутри духовного сословия, обозначая почетность и престижность его положения в социальной структуре адыгского общества.

Адыгские эфенди были, как правило, выходцами из крестьян – князья и дворяне традиционно искали самовыражения в набегах и войнах. Адыгские эфенди были, как правило, выходцами из крестьян – князья и дворяне традиционно искали самовыражения в набегах и войнах, таким образом реализуя «бешеную жажду воинственных потех»². Еще во времена христианской проповеди последние оставались индифферентными к идеям единобожия, слушая богослужение, по наблюдению итальянского географа XVI в. Д.Интерриано, автора первого в средневековой литературе монографического описания Черкесии, «у дверей церкви и не слезая с коня»³. «Духовенство между черкесами не имеет преимуществ, подобных дворянам, - писал адыгский политик, военный, один из первых

¹ Цит. по: Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992. С.208.

² Хан-Гирей С. Черкесские предания // Адыгские писатели – просветители XIX века. Краснодар, 1986. С.23.

³ Интерриано Д. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII –XIX вв. Нальчик, 1974.С.47.

адыгских историографов, командир Кавказского горского полуэскадрона, ротмистр Хан-Гирей, - но, согласно с правилами магометанского закона, они освобождаются от всех повинностей, и их доходы состоят из получаемого ими от деревенского прихода договоренного количества хлеба и прочих сельских произведений, что обеспечивает содержание их семейств»¹. В 1894 г. атаман Майкопского отдела разъяснял Начальнику Кубанской области: «В настоящее время доход аульного мечетского духовенства составляют: 1) «закят» - это подать, Кораном установленная – каждый мусульманин обязан из собранного хлеба передать 1/10 часть приходскому мечетскому мулле; из собранного таким образом хлеба 1/3 поступает в собственность мุลлы, а 2/3 - на благотворительные надобности и бедным; 2) вознаграждение за совершение «накяха» - брачного договора; 3) «исхат» - вознаграждение за погребение»².

В виду не столь долгого периода активного проникновения ислама на Северо-Западный Кавказ институт вакуфной собственности здесь не сложился, что определило отсутствие у адыгских эфенди серьезных экономических позиций. Они посвятили свою жизнь проповеди исламского благочестия и образовательной деятельности и не владели обширными земельными угодьями и торговыми лавками.

Окончание военных действий на Северо-Западном Кавказе сопровождалось махаджирским движением – переселением адыгов в Османскую империю, в результате которого 94% населения было выселено со своей этнической территории. После окончания Кавказской войны (1864) западные адыги были включены в Кубанскую область, образованную в 1860г. в ходе административно-территориального устройства Северного Кавказа. Номинально они были отнесены к ведению Оренбургского Магометанского Духовного Соборания, однако реальный контроль осуществляла местная кубанская администрация – Начальник Кубанской области и Наказной атаман Кубанского казачьего войска, атаманы отделов и начальники участков. Отдельное Духовное управление для мусульман Северного Кавказа так и не было создано.

Одним из направлений исламской политики России на Северо-Западном Кавказе было конструирование духовенства как сословия и регламентация его деятельности.

Российская администрация разделила всех служителей культа на три категории – кадиев-знатоков шариатского судопроизводства, осуществлявшегося по ханифитскому толку, старших и младших эфенди. Каждое мечетское общество обслуживал один эфенди. При больших мечетях могло состоять несколько эфенди, один из которых считался старшим.

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С.122.

² ГАКК. Ф.454. Оп.1 Д.5294. Л.88.

Старшие и младшие эфенди руководили как традиционными пятикратными молитвами в мечетях, так и молениями, сопровождавшими обряды жизненного цикла. Младшие эфенди, кроме того, вели метрические книги под наблюдением кадия. Естественно, обязательными действующими лицами мусульманских ритуалов являлись муэдзины. По данным 1912 г. в Кубанской области на территории проживания адыгов зафиксировано 14 старших, 135 младших эфенди, 105 муэдзинов¹. Статистических данных о кадиях нет.

Шариатские суды, наряду с мировым соглашением и адатными (медиаторскими) судами образовывали полиюридическое пространство, в котором до 60-х гг. XIX в. реализовалась судебная практика адыгов.

Служители мусульманского культа, хотя составлявшие и немногочисленное сообщество, обладали безусловным авторитетом. «Черкесы имеют к духовенству величайшее уважение, которое доставляет этому классу владычество над умами народа», - подчеркивал Хан-Гирей². В значительной степени этот авторитет был основан на их образованности и престижности самого духовного звания.

Мечетское строительство наиболее интенсивно развернулось на Северо-Западном Кавказе в 80-90-х гг. XIX в. Именно в этот период в российском политическом дискурсе возобладал взгляд на мусульман как на лояльных подданных империи, над которыми необходим правительственный контроль, не задевающий их религиозных убеждений. Составляющей такого подхода являлось восприятие мечетей как мест «нравственного воспитания горцев». Кубанская администрация не препятствовала постройке новых мечетей, особыми распоряжениями регламентируя порядок их работы и состав служителей. В 1912 г. в Кубанской области уже действовали 51 (главная) соборная и 66 квартальных (пятивременных) мечетей³. Большинство адыгских мечетей были турлучными, либо деревянными. Из 117 мечетей только 15 были каменными или кирпичными. До 1917-1920 гг. максимальное число мечетей в ауле доходило до 8, минимальное ограничивалось одной, в среднем на каждые 400 человек жителей приходилась одна мечеть. В начале XX в. действовали мечети в Майкопе⁴ и Екатеринодаре, построенные на средства известного адыгского купца и фабриканта, одного из богатейших граждан Екатеринодара Л.Трахова.

Мусульманская образованность основной части духовных лиц, как правило, ограничивалось элементарными знаниями Корана, шариата и мусульманской экзегетики,

¹ ГАКК. Ф.454. Оп.1.Д.576.Л.6.

² Хан-Гирей. Указ. соч. С.122.

³ ГАКК. Ф.454. Оп.1.Д.576.Л.6

⁴ НАРА.Ф.Р-21.Оп.1.Д.10.Л.121

арабской письменности и арабского языка, необходимыми в рамках выполнения своих обязанностей. Примерно десятую часть духовенства (более 20 чел.) составляла группа, прошедшая через престижные исламские университеты – Османский университет в Стамбуле, каирский аль-Азхар и образовательные центры Дагестана, Казани и Уфы.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. российская администрация начинает судебные преобразования Северного Кавказа. В 1870 г. на основании «Временных правил горских словесных судов», утвержденных Кавказским Наместником, в Екатеринодаре, Майкопе и Баталпашинске (ныне – г. Черкесск) были открыты как суды первой инстанции окружные горские словесные суды, в аулах – аульные суды. Они подчинялись начальнику Кубанской области. Суды разбирали дела на основании адата, а при отсутствии прецедента в адатах обращались к общероссийскому судебному законодательству¹. Специально для решения шариатских дел – о заключении и расторжении браков, о личных и имущественных правах, о законности рождения и наследования - в состав окружных и аульных судов был введен кадий.

Другим каналом влияния эфенди на адыгское общество было религиозное образование. Религиозная школа сосуществовала со светскими институтами образования, и эфенди отнюдь не являлись исключительным, единственно существующим слоем, ответственным за распространение знаний в адыгском обществе. Значительные возможности для получения среднего образования предоставляли горские отделения светских гимназий, кадетские корпуса, высшие учебные заведения Петербурга, Москвы, Одессы, Риги и т.д. К началу XX в. у адыгов формировался слой, профессионально занятый интеллектуальным трудом, из которого в дальнейшем вышли просветители, размышляющие в своих сочинениях о характере проникновения ислама к адыгам, его роли в развитии образования и культуры. Авторы подобных сочинений много писали о необходимости сохранения родного языка, религиозной исламской идентичности и традиций адыгэ хабзэ в ходе усвоения адыгами русской культуры и российской системы образования, признавая последнее необходимым и неизбежным для успешного существования в российском культурном пространстве.

Религиозные школы давали возможность получить первоначальные знания прежде всего выходцам из крестьян. Особо выделялись среди них новометодные школы, организованные по инициативе молодых служителей культа, получивших образование в Османском университете, в Каире или в Казани и Уфе. В 1909-1913 гг. в организации школ участвовали представители адыгской диаспоры Сирии и Турции, организовавшие так называемый «Поход в Хакуж» (поход в малую родину, или поход на историческую

¹ Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1996 гг.). М., 1999.С.101

родину). Двумя небольшими группами они переселились в Кабарду и шапсугские аулы Кубанской области¹. В 1912-1913 г. в шести новометодных школах Екатеринодарского отдела обучалось 450 учеников-адыгов². Новые религиозные школы содержались за счет аульных обществ, в начале XX в. чаще открывались за счет средств, собранных в виде закята. В начале XX в. появляется книжная продукция, созданная самими адыгскими эфенди - поэтические биографии Пророка Мухаммада, статьи о необходимости образования.

Накануне революционных событий 1917 г. освоение ислама адыгской этнокультурной традицией не было завершено, исламские институты на Северо-Западном Кавказе были рыхлыми и неоформленными структурами. При преобладании этнического самосознания над религиозным, мусульманские ценности заняли органичное место в системе традиционных адыгских этнических норм и мотиваций. При контроле Кубанской областной администрации над основными сферами религиозной жизни (утверждение кадиев и аульных эфенди в должностях, строительство мечетей, организация хаджа) на Северо-Западном Кавказе сложилась ситуация, благоприятная в целом для освоения, сохранения, воспроизводства и межпоколенной трансляции мусульманской культуры. Этому способствовали, кроме того, налаженная сеть мусульманского образования и ежегодное паломничество в святые земли ислама, связывавшие адыгских мусульман со всей уммой.

Дальнейшие изменения мусульманских институтов и структур на Северо-Западном Кавказе определялись поисками форм государственного устройства, охватившими Кубанскую область после февральской революции 1917 г., что естественным образом вовлекло в сложные политические процессы и горские народы.

В мае 1917 г. в г. Владикавказе представителями горской интеллигенции был созван съезд горских народов Кавказа. Съезд избрал Центральный комитет Союза объединенных горцев (с ноября 1917 г. - Горское правительство), председателем которого единогласно был избран крупный чеченский нефтепромышленник Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев. В состав Горского правительства вошли 17 человек, в т.ч. адыгеец Айтек Намиток.

Вопросы, связанные с регламентацией религиозной жизни мусульман Северного Кавказа, занимали в работе съезда особое место. Планируемые мероприятия секции фактически повышали статус шариатских судов: в каждой области – Дагестанской, Терской, Кубанской, Черноморской и Ставропольской губернии (для ногайцев и туркмен)

¹ Бузаров А.К. Из истории культурного развития адыгов начала XX в. (по материалам рукописного наследия С.Х. Сиюхова) // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1998. С.23

² Хоретлев А.Ю. Влияние России на просвещение в Адыгее. Майкоп, 1957. С.80

должны были быть учреждены окружные шариатские суды и как апелляционная инстанция - Областные шариатские суды. В округах, где существовало два горских словесных суда, шариатские суды учреждались в количестве не менее двух.

Программа религиозной секции определяла порядок выборов и деятельности сельских кадиев и сельских имамов.

Важной сферой религиозной жизни съезд считал проблемы религиозного образования. Для подготовки кадров в каждом округе планировалась организация медресе, а во Владикавказе высшего учебного заведения - Юридической Академии шариатских наук. В них предусматривалось преподавание и светских предметов.

При Союзе объединенных горцев было создано «Кавказское Горское Духовное Правление» из 9 человек: председатель правления, он же муфтий, и члены правления - кадии: по три от Дагестанской и Терской областей, по одному представителю от Кубанской и Сухумской областей, Ставропольской и Черноморской губернии и Закатальского округа. Муфтием Северного Кавказа на съезде был избран Нажмуддин Гоцинский, который вошел в состав Горского правительства.

«Союз...» выполнял роль законодательного и исполнительного органа на территории Дагестанской, Кубанской и Терской областей. Ставропольской и Черноморской губернии, Закатальского округа и Абхазии. В октябре 1917г. во Владикавказе на конференции, организованной по инициативе казачьего Донского Круга, уполномоченные от Горского правительства подписали с представителями казачьих войск - Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского - союзный договор о создании Объединенного правительства Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей.

Вторжение на Северный Кавказ Добровольческой армии А.И.Деникина прервало тенденцию формирования горской независимости - правительство Горской республики было распущено командованием Добровольческой армии весной 1919 г., осенью того же года после победы 11 Красной Армии члены Горского правительства эмигрировали в Турцию и Европу.

В период сложных политических изменений, в течение 1918-1920 гг., северо-западные адыги оказывались в системе управления разных административно-государственных советских образований, сосуществующих с Союзом Объединенных горцев, - Кубанской, Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской социалистической республик.

С 1920 г., после восстановления в регионе Советской власти, адыги Северо-Западного Кавказа входили в Кубано-Черноморскую область, объединившую 6 отделов

Кубанской области и 3 округа Черноморской губернии. Адыгейцы проживали только в Екатеринодарском и Майкопском отделах, а также в Туапсинском округе Кубано-Черноморья. Взаимоотношения ислама и советской власти на Северо-Западном Кавказе в 20-е гг. складывались и развивались достаточно сложно и неоднозначно. Поиски компромисса с исламом, характерные для начала 20-х гг., сменились государственной политикой, создавшей жесткую и стройную систему, в которой мусульманская культура на Северо-Западном Кавказе не могла поддерживать и воспроизводить свои составляющие элементы.

Первые советские органы управления горцами, созданные в г.Екатеринодаре после восстановления Советской власти в апреле 1920 г. при Отделе Управления Кубано-Черноморского областного ревкома, - Мусульманская секция (апрель – июнь 1920)¹ и Горская секция (1920-1921)² стремились сохранить судопроизводство по шариату, порядок шариатского судопроизводства, аналогичный дореволюционной практике горских словесных судов. В каждом судебном районе работал Горский народный суд с постоянным горским народным судьей (председателем) и народными заседателями и кадием³. Суды, руководствующиеся этими правилами, имели свое местопребывание в ауле Лакшукай Краснодарского отдела и ауле Ульском Майкопского отдела. На пленуме Горского исполкома кадием Майкопского горского суда был избран Джанхот Хатков, закончивший Стамбульский университет, кадием Екатеринодарского горского народного суда – Мишаост Набоков, выпускник Аль-Азхара⁴.

27 июля 1922 г. Президиум ВЦИКа принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области с центром в г.Краснодаре в составе Кубано-Черноморской области. Причерноморские шапсуги не вошли в автономную область. Население области составляло 224 тыс. чел.⁵, преобладало русское население, численность адыгов в составе автономной области – 68 тыс. чел.⁶. В 1922 г. в связи с общероссийской судебной реформой и организацией Адыгейского областного суда начинается ликвидация шариатских судов. Шариатские суды в Адыгее не были отменены каким-либо законодательным актом или постановлением, однако, создавалась система, направленная на их форсированное вытеснение.

¹ НАРА. Ф.Р – 328. Оп.1. Д.1. Л.3а

² НАРА. Ф. Р – 328.Оп.1.Д.1.Л.14а

³ ГАРФ.Ф.А-353.Оп. 4. Д.73. Л.318

⁴ НАРА. Ф. Р-328. Оп.1. д.4. л.96

⁵ Советская Адыгея за 60 лет. Статистический сборник. Майкоп, 1982. С.7

⁶ Мекулов Д.Х. национально-государственное и советское строительство в Адыгее: начальный этап, тенденции // Северный Кавказ: национальные отношения.

В течение 20-х гг. в Адыгее была проведена регистрация мечетей (в 1924 г. в Адыгее в 45 аулах действовало 126 мечетей), при мечетях были организованы религиозные группы – фактически, мусульмане были приписаны к определенной мечети. К 1928 г. в Адыгее было зарегистрировано 124 мусульманские группы и христианское общество евангелистов, община баптистов, армяно-григорианский молитвенный дом. По итогам регистрации было закрыто три мечети как мечети, используемые только во время рамадана, месяца священного поста, и не имеющие при себе постоянных религиозных групп. Мечеть в г.Краснодаре была передана в распоряжение Адыгейского облисполкома как не взятая в аренду, мечеть в г.Майкопе перешла в распоряжение Майкопского окружного исполкома. В конце 20-х гг. в административном порядке закат был передан ККОВам, что ослабило социально-экономические позиции духовенства и лишало эфенди одного из постоянных источников существования.

В начале 20-х гг. позиции духовенства как учителей оставались неизменными - в аулах по-прежнему действовали медресе – в 1920 г. в 37 медресе обучалось 311 человек, почти такое же количество светских школ было открыто в этот же период времени¹ - в 30 советских школах обучалось 1910 учеников².

В мае 1924 г. восточный отдел ГПУ разослал совершенно секретный циркуляр всем областным отделам ОГПУ, по которому духовные мусульманские школы для детей допускались только (для узбекского населения) Туркестана, Дагестана и Аджарии. К 1925 г. религиозных школ в Адыгее не было, однако случаи преподавания Корана вне школы сохранялись.

В течение 1922-1925 гг. эфенди и рядовые верующие по инициативе областных властей проводят четыре съезда. На съезде 1922г. впервые в советский период духовенство заявляет о себе как об организованном сообществе, желающем оказать содействие советской власти и имеющем свои позиции по ряду актуальных вопросов: проблемы преодоления преступности и образования. Участники съезда получили название «эфенди – прогрессисты». На съезде был поставлен вопрос об организации в Адыгейской (Черкесской) автономной области высшего духовного управления («шариатистов-советников») и об открытии высшего духовного училища «Медресе-дин». Съезд избрал Шариатский Совет (Шура), (Д.Хатков, З.Индрисов, М.Набоков, Г.Шаов, Хабиб-эфенди, М.Совмиз, А.Карданов), осуществлявший посреднические функции между советской властью и мусульманским населением при возникновении спорных ситуаций. Шариатский совет существовал до 1923 г. Материалы второго съезда в архиве не найдены.

¹ Советы Адыгеи в социалистическом строительстве 1922-1937 гг. Майкоп, 1989. С.111

² Хакурате Ш.У. Адыгея за 10 лет. Краснодар, 1932. С.24

Третий съезд духовенства и верующих в 1925 г. был посвящен в основном проблемам духовного образования. Было решено открыть две школы медресе в Фарсском и Псекупском округах, в каждой школе два преподавателя должны были обучать по 30 учеников. Медресе планировалось содержать за счет добровольных пожертвований. По каждому округу были избраны уполномоченные по сбору пожертвований. Съезд одобрил преподавание Корана в каждом ауле на арабском языке в частном порядке.

В 1925 г. духовенство и верующие проводят четвертый съезд, свидетельствующий о перемещении дискуссий в сторону обсуждения в основном обрядовых вопросов. По всему комплексу вопросов, связанных с богослужением, съезд принял решения, направленные на «демократизацию» и упрощение обрядности – разрешалось не снимать обувь во время молитвы, сокращать число намазов в пути, сокращать количество ракатов во время вечернего богослужения в период поста. Две резолюции были направлены на предотвращение случаев присвоения духовенством пожертвований во время рамадана и Курбана, а также получения при совершении погребения 1/3 имущества умершего мусульманина, объявляя эти прецеденты недопустимыми.

Существенные изменения в жизни мусульманского духовенства и одно из последних проявлений его социальной активности связаны с советской языковой политикой 20-х гг.

Одним из направлений этой политики, которую В.М. Алпатов справедливо определил как политику «удовлетворения потребности идентичности для всего населения»¹, было реформирование систем письма и создание письменностей для бесписьменных народов.

Адыги к моменту реформирования, заключающегося в переходе от арабской графики к латинской, не имели сложившегося литературного языка, а их письменная традиция, связанная с арабской графикой, не охватывала широкие слои населения – по переписи 1920 г. грамотность среди адыгов составляла 11,5% населения².

Начиная с первой четверти XIX в. вплоть до 1918 г. и в России, среди русских ученых-кавказоведов и адыгских просветителей, среди адыгов Турции и Египта, предпринимались попытки создания черкесского алфавита на арабской, латинской и кириллической основе³. Однако сферы их функционирования не были широки. Так,

¹ Алпатов В.М. Языковая политика в СССР в 20-30-е годы: утопии и реальность //Восток. 1993.№5. С.115-116.

² Кубов Ч.Ч. Исторический опыт партийного строительства в национальных автономиях Северного Кавказа в переходный период к социализму. Майкоп, 1990.С.72.

³ Хуако З.Ю. Адыгейская книга. Майкоп, 1998. С.10-11; Кавказский горский полуэскадрон – учрежден как штатное подразделение для несения конвойной службы при Высочайшем дворе в 1828 г. при Николае I. Состоял из кавказских дворян и князей, кабардинцев, чеченцев, кумыков, лезгин, ногайцев и других представителей народов Кавказа. Командовал им ротмистр Хан-Гирей. По штату 1830 г. в эскадроне

например, в 1829 г. преподаватель петербургского университета И.Грацилевский создал черкесский алфавит на русской графической основе, посредством которого переписывались адыги, служившие в Кавказско-горском полуэскадроне¹. Как верно заметил известный адыгский ученый З.М.Налоев, «алфавиты создавались в дореволюционном прошлом в изобилии, и азбук появилось немало, но не было письменности, общей не только для всех адыгов, но даже для кабардинцев и адыгейцев»².

В 1918 г., уже при Советской власти, в Екатеринодаре по решению Кубано-Черноморского ревкома адыгским просветителем А.И. Бекухом был составлен еще один алфавит на арабской графической основе. К 1926г. на арабской графике грамотность по Адыгее составила 12,4%³. Именно с использованием этого алфавита вышли первые адыгейские газеты – «Красная Кубань», «Советская Кубань», «Адыгэ макъ» (Голос адыга), «Адыгэ псэукI» (Адыгейская жизнь). Кроме того, в течение 1924-1927гг. можно говорить о формировании определенного информационного пространства и читательской среды – за этот период на основе арабской графики было издано 25 названий книг объемом 115 печатных листов и тиражом 68 475 экземпляров⁴. И хотя эти тексты представляли собой прежде всего буквари, календари, сказания нартского эпоса и героические адыгские песни, рассказы адыгских писателей 20-х гг., показательно, что эти мероприятия культурной революции, осуществляемые в привычном мусульманском контексте, не создавали ощущения разрыва с прошлым, с традициями и не были болезненными для адыгского населения.

В начале 20х гг., когда вопрос о латинизации стал впервые обсуждаться на уровне северокавказских совещаний по горской культуре, арабская графика уже осмыслялась партийными идеологами реформ и учеными, работающими в сфере языкового строительства, как символ прошлой жизни и старой культуры. Очень важен и внешний, международный фактор, о котором писал В.М. Алпатов: « В те годы переход на латиницу происходил и в Турции. При всей разнице общественных процессов в двух государствах в

служили 5 офицеров, 9 юнкеров и 40 оруженосцев. По Высочайшему распоряжению 1837 г. каждые два года в Кавказский горский полуэскадрон присылали 12 человек из знатнейших горских фамилий. В 1838 г. была сформирована дополнительная «команда лезгин», через год – «команда мусульман» из представителей ханов и беков Закавказского края. Эскадрон расформирован в 1881 г. Всего за время существования в Кавказском горском полуэскадроне прослужило 700 человек из высших сословий народов Кавказа. – См. об этом www.zihia.narod.ru; www.pn.pglu.ru; Шевляков Т. Гвардейцы с Кавказа // Родина. №1. 2000.

¹ Там же. С.11.

² Налоев З.М. Указ.соч. С.140.

³ Мекулов Д.Х. Указ.соч.С.114.

⁴ Хуако З.Ю. Указ. соч. С.22.

них была и общая сторона – европеизация культуры...За турецким опытом в те годы у нас пристально следили»¹.

В июне 1923 г. в г. Пятигорске Юго-восточным бюро РКП(б) было созвано совещание по вопросам просвещения горских народов, на котором принято решение о латинизации письменности чеченцев, ингушей, кабардинцев, адыгейцев, карачаевцев. «Из трех основ, - говорится в резолюции совещания, - арабской, русской и латинской, принятой той или другой народностью, совещание высказывается в пользу латинской основы, как наиболее красивой, четкой, достаточно отвлеченной, чтобы не быть элементом русификации...»². Латинская графика символизировала прогресс, приобщение к мировой культуре, под которой подразумевались европейская и русская традиции. О преимуществах латинской графики перед арабской говорил председатель У.Алиев на 2-ой конференции по культурному строительству горских народов Северо-кавказского края в г.Ростове-на-Дону. Выделим особо показательный момент его выступления: «Точно также, как замкнутые в горах некоторые горцы и поныне по первобытному ездят только на ишаках и не знают колесной езды, тогда как по Европе летают на аэропланах, так и наши арабисты в замкнутых ущельях учения ислама остались ездить на допотопной форме графики – арабский алфавит, тогда как культурные народы ездят усовершенствованными письменами вплоть до стенографии»³.

В 1927 г. в Адыгее был завершен переход с арабской на латинскую графику. В нашем распоряжении оказалось не так много источников, по которым можно судить о реакции адыгского мусульманского «духовенства» на реформу письма, и даже имеющиеся сведения чрезвычайно скупы. Неясно, в чем же конкретно выражалась «бешеная агитация против латинского алфавита» и «лживая пропаганда духовенства», «стремление ориентировать адыгейский народ в национально-культурном строительстве на панисламистский Восток», о которых говорилось в партийных протоколах и северокавказских периодических изданиях 20-х гг.⁴ Известно, что в 1925 г. на третьем съезде мусульманского духовенства М.Набоков предложил заменить арабским алфавитом вводимый латинский шрифт⁵, однако его аргументация и решения съезда по этому вопросу не зафиксированы в выявленных источниках. По-видимому, сопротивления реформе со стороны духовных лиц и верующих все же не было – процент арабски

¹ Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.,1997.С.65.

² Крыжановский Г.Я. Адыгейская национальная письменность // Советская Адыгея. Бюллетень Адыгоргбюро РКП(б), Адыгоблисполкома и Адыгоблплана. Краснодар,1925.Вып.1.С.71.

³ НАРА.Ф.Р-21.Оп.1.Д.29.Л.22.

⁴ См. Культурное строительство Адыгеи.С.365-366.

⁵ НАРА. Ф.Р-8.Оп.1.Д.96.Л.35 об.

грамотных адыгов был невелик, а существующая на арабской графике книжная продукция не охватывала большого количества населения.

В многочисленных исследованиях по культурной революции на Северном Кавказе справедливо отмечается, что именно латинизация создала широкие возможности для быстрой ликвидации неграмотности, формирования национальной советской интеллигенции, более сложного осмысления реальности, построения профессиональной системы институтов духовного воспроизводства¹. Обратная сторона реформы видится в другом: латинизация алфавита и в особенности ее пропагандистское обеспечение стали одним из средств, закрепляющих в массовом сознании стереотипное восприятие ислама как косного, реакционного учения, а немногочисленной в Адыгее мусульманской интеллигенции как препятствия на пути построения нового общества. Приведем в качестве примера фрагмент протокола заседания бюро Адыгейского областного комитета ВКП(б) 1937г. о переводе адыгейского алфавита на русскую графику: «Переход с арабской основы (алфавита) на латинизированную основу в 1927 г. имел большое революционное значение в деле разгрома националистических и панисламистских тенденций части старой адыгейской интеллигенции, стремившейся ориентировать адыгейский народ в национально-культурном строительстве на панисламистский Восток, затормозить дальнейшее развитие адыгейской советской национальной культуры и приобщение ее к русскому революционному движению»².

В 1927 г. была создана Антирелигиозная комиссия при Оргбюро РКП(б), «Общество безбожников», Антирелигиозный кружок при клубе Совпартшколы. В комплексе антирелигиозной работы особое место отводилось «искоренению» религиозных институтов и обрядов - закрытию медресе, вытеснению мусульманской брачной и погребальной обрядности, организации аналогичных гражданских ритуалов, «борьбе со знахарством среди духовенства». Новые антирелигиозные структуры осуществляли и финансовый контроль над сельскими советами, не допуская использования их средств, а также сборов среди населения на «шариатские нужды» – ремонт мечетей, празднования Уразы-Байрама и Курбана.

Несмотря на то, что мечети к концу 20-х гг. оставались в основном формально действующими, их внешний вид производил удручающее впечатление. Судьба большинства мечетей была более чем печальной – в лучшем случае они переоборудовались под школы, в основном отводились под склады, клубы, врачебные участки, разбирались для постройки других зданий.

¹ Куценко И.Я. Революция и культура .Краснодар, 1973 ; Мекулов Д.Х. Указ.соч. и др.

² Из протокола заседания бюро Адыгейского областного комитета ВКП(б) о переводе адыгейского алфавита на русскую графику. 30 октября 1937г. // Культурное строительство Адыгеи...С.365-366.

Как следствие, сфера функционирования опосредованных исламом институтов была существенно ограничена. Фактически, на Северо-Западном Кавказе в течение первых десяти послереволюционных лет были утрачены собственные традиции бытования ислама.

Какие же последствия для современной ситуации в Адыгее все это имеет сегодня?

С конца 80-х гг. в Адыгее начинаются процессы реисламизации, включающие в том числе осмысление места ислама в системе национальных ценностей. В 1991г. Адыгея вышла из состава Краснодарского края и получила статус республики в составе РФ.

В настоящее время на территории Республики Адыгея действует 30 исламских религиозных объединений, зарегистрированных в Министерстве юстиции республики. В собственности религиозных обществ мусульман Адыгеи находится 30 мечетей, в которых осуществляют культовую деятельность 72 эфенди. В каждом районе республики и в г. Майкопе работают подразделения мусульманского общества «Дин-Хасэ», которые осуществляют решение вопросов, касающихся сферы ислама

Очевидно и неизбежно преобладание нероссийских действующих лиц в возрождении ислама в Адыгее. Адыги-репатрианты из ближневосточных стран активно работали в адыгейских аулах в начале 1990-х гг.: они преподавали основы ислама, чтение Корана и арабский язык. Важную роль в распространении ислама в регионе играл (в 2005 г. ему не была выдана российская виза) адыг из Сирии Фаиз Аутлев, возглавлявший Исламский центр при Соборной мечети г. Майкопа. Им были переведены наиболее известные хадисы, изданные в виде сборника на русском языке. Сама мечеть была построена на средства шейха из Расс-эль-Хайма (ОАЭ), выделившего для этой цели 1млн. американских долларов. В 2000 -2005 г. имамом Соборной мечети являлся сирийский адыг.

Специфической группой, серьезно влияющей на умонастроения молодых мусульман, являются адыги-репатрианты из югославского Косова. Албано-сербский конфликт, развернувшийся на Балканах, существенно осложнил положение косовских адыгов, которым не удалось в конечном итоге сохранить в этом конфликте традиционный для них нейтралитет. Возобладавшая просербская ориентация адыгов и нарастающие военные действия с албанской стороны стали одним из факторов, ускоривших принятие решения о возвращении их на историческую родину. В августе 1998г. 200 человек (21 семья) потомков мухаджиров, покинувших Северный Кавказ в 19-ом веке, вернулись в Адыгею при активной поддержке правительства Российской Федерации и Международной Черкесской Ассоциации (МЧА). Юридические и экономические сложности процесса репатриации наложились на определенную ментальную дистанцию между косовскими и местными адыгами, сложившуюся в течение более чем 100 лет проживания в различных

этнокультурных и политических системах. Функционирование исламского комплекса в Югославии существенно отличается от такового на Западном Кавказе, где никогда не существовала иерархия духовных лиц, характерная для косовских служителей культа – имамы, ходжи, мударрисы. По существу, косовские адыги являются носителями нехарактерных для местного адыгского населения исламских традиций. Показательна ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях между косовским адыгом Рамаданом Цеем, выпускником факультета религии Амманского университета Иордании, и лидерами ДУМ РА и КК. Беглые упоминания о конфликте в местной прессе и на местном телевидении не дают представления о том, в чем же заключались принципиальные расхождения между ДУМ и Р. Цеем. Р.Цей в течение двух лет издавал газету «Читай», учредителем которой выступала мусульманская община аула Тахтамукай. Газетные публикации включали в основном материалы культурно-просветительского характера и не содержали выпадов против официальных духовных лиц республики. Из конфиденциальных источников стало известно, что Р. Цей делал замечания ритуального характера муфтию Адыгеи и Краснодарского края и публично не раз заявлял о своей оппозиции представителям ДУМ Адыгеи и Краснодарского края.. По словам муфтия Адыгеи и Краснодарского края Н. Емижа, «он сталкивал молодежь с взрослым населением, с духовным управлением, с советом духовного управления»¹. К весне 2004 г противостояние достигло своей критической точки и Р.Цей был депортирован в Турцию. Официальной причиной выселения являлись не продленный вид на жительство, предоставление Цеем справок о месте прописки и заработной плате на месяц позже того срока, когда паспортно-визовая служба отказала продлить вид на жительство. Р. Цей неоднократно (два раза - в судах городского и республиканского уровня и в Верховном суде России) подавал апелляции на решение паспортно-визовой службы республики, до сих пор конфликт не является исчерпанным. По-видимому, Р.Цей намерен обратиться в Европейский суд.

Что вносит ДУМ Адыгеи и Краснодарского края во взаимодействие этих основных сил? ДУМ РА и КК было образовано в 1991г. на первом съезде мусульман Адыгеи в ауле Адамий, известном своими традициями религиозного образования еще с начала XXв.. Сфера действия вновь созданного ДУМ простирается и на шапсугов Лазаревского района Краснодарского края, проживающих на черноморском побережье. В настоящее время ДУМ возглавляет ранее работавший в государственных структурах Нурбий Емиж, выходец из семьи известного эфенди Моса Емижа. Он был избран муфтием на внеочередном съезде мусульман РА и КК, в ноябре 2003г. он был переизбран на IV съезде мусульман в г.Майкопе, за него отдали голоса 149 из 155 делегатов съезда. В ДУМ Адыгеи и Краснодарского края координирующую роль осуществляет исполнительный

орган – Совет ДУМ в составе 13 чел. Приходится с сожалением констатировать, что еще до недавнего времени ДУМ большую часть своей деятельности посвящало решению обрядовых вопросов – регламентации похоронной обрядности, отмене сорокадневных поминок, упорядочению заключения накяха (брачного договора) и т.д. Причем зачастую пропагандистское обеспечение этих, безусловно, важных и необходимых инициатив ДУМ значительно превосходило их актуальность для ситуации конца 90хгг.

Основная проблема по-прежнему – кадровая: большая часть мечетей не имеет хорошо образованных имамов и заполняется только во время полуденного намаза по пятницам. В некоторых аулах в пятницу не читается хутба. Только в 2004 г. благодаря позиции муфтия Адыгеи и Краснодарского края Нурбия Емижа ситуация стала меняться – при Соборной мечети были организованы двухнедельные курсы для обучения имамов из районных центров арабскому языку, исламской догматике и обрядности. Важной инициативой ДУМ представляется постановка вопроса о необходимости обучения будущих духовных лиц в российских учебных заведениях – в Москве, Нальчике, Казани. Особая проблема, которую предстоит решать уже сейчас – налаживание отношений с адыгскими студентами, обучающимися в настоящее время в медресе и на шариатских факультетах университетов в Сирии и ОАЭ. Именно они будут оказывать серьезное влияние на настроения мусульман, посещающих мечети, и религиозную ситуацию в республике через 3-5 лет. Н.Емиж стремится удержать в сфере своего влияния исламизирующуюся сельскую молодежь Адыгеи – и в этом принципиальное отличие ситуации в Адыгее от ситуации в Кабардино-Балкарии, где молодежные мусульманские общины и лидеры действуют в оппозиции Духовному управлению. Н.Емиж выступил с инициативой создания молодежного мусульманского центра, объединившего мусульман г. Майкопа и г. Адыгейска, а также двух районов Адыгеи- Теучежского, Тахтамукайского. Одной из современных тенденций возрождения ислама в Адыгее является приход в молодежные центры, созданные при мечетях, европейски образованных интеллектуалов – преподавателей вузов, аспирантов.

В этих условиях, когда практически нет подготовленных кадров, а функции структур, созданных ДУМ, остаются неясными, все возможные государственные каналы трансляции знаний об исламе -местное телевидение, радио, республиканская пресса, которые могли бы внести свой вклад в формирование позитивного образа ислама, в том числе через информацию о традициях российского ислама, о позитивном опыте христианско-исламского диалога, либо не работают вообще, либо не используют своего потенциала. На республиканском телевидении и радио нет ни одной действительно серьезной аналитической передачи, посвященной проблемам мусульман. Да и само эфирное время

республиканских СМИ распределяется неравномерно – в масс-медиа выступают лишь представители РПЦ. Единственную программу, посвященную проблемам мусульман Адыгеи и культуре ислама в целом, на местном телевидении –Адыг-ТВ – ведет Азамат Богус, главный редактор газеты «Адыгэ макъ», депутат Госсовета-Хасэ, член Совета Духовного управления Республики Адыгея.

. В связи с сокращением времени теле вещания в регионах и выходом региональных кампаний в телеэфир только в формате новостей на канале «Россия», возможности и этой передачи ограничиваются. Пока еще А. Богус в своей газете выпускает приложение (к сожалению, нерегулярно), как на русском, так и на адыгейском языках, что значительно сужает его потенциальную аудиторию, так как русское население не выписывает национальную прессу. Это естественным образом не способствует формированию этноконфессионального единства, тогда как русские и адыги демонстрируют желание знать традиции, в том числе и религиозные, друг друга, что подтверждают социологические исследования, проведенные в городе Майкопе.

На этом фоне двойственно выглядит пропагандистское обеспечение, организованное общественно-политической организацией «Союз славян Адыгеи», которым сопровождалась передача в 2003 г. (указ президента Адыгеи Хазрета Совмена) РПЦ Свято-Михайловской Афонской Закубанской общежительной мужской пустыни, являвшейся частью турбазы «Романтика».

Пустынь была одним из процветающих монастырей Северного Кавказа в начале XX века, здесь проживало 200 монахов и почти 1000 паломников, действовало пять храмов, церковно-приходская школа, странноприимный дом, ремесленные мастерские, больница. Не добавляет равновесия распространение брошюры 1897 г., посвященной этому комплексу, переизданной на средства «Союза славян Адыгеи» в 1999г. без соответствующего комментария. Понятные и имеющие историческое оправдание высказывания второй половины XIX в. о превосходстве креста над полумесяцем представляются совершенно неуместными и более того, провокационными для современной ситуации. Чтобы не быть голословными, обратимся к источнику: «На смену мусульманского полумесяца ныне Крест Христов ярко светит всюду, начиная от низовьев реки кубани до вершин грозного Кавказа». Или – «Но Богу угодно было ..водрузить крест, положить начало иноческого жития в ином месте на окраине России, в крае, где так недавно высились минареты с символом мусульманства полумесяцем».

Отношения между «Союзом славян Адыгеи» и общественными движениями, в уставах которых заложены идеи национального адыгского возрождения и создания условий, благоприятных для сохранения и трансляции адыгской культуры - «Адыгэ Хасэ» и

«Черкесский конгресс» - обострились летом 2005 г. в связи с инициативой Общероссийского благотворительного Фонда Николая Чудотворца строительства 9-метрового памятника этому православному святому в столице Адыгеи – г. Майкопе. Строительство памятника в дискурсе адыгских национальных движений конструируется как новое вторжение «чужой» культуры, а православие и имперскость оказываются неразведенными понятиями. В начале июля в течение недели 20 человек, представителей «Черкесского конгресса» пикетировали и фактически остановили начавшееся строительство. Администрацией г. Майкопа был проведен круглый стол с участием инициаторов пикета, а также лидеров религиозных конфессий на котором было решено приостановить строительство до выяснения позиций всех заинтересованных сторон. В настоящее время строительство памятника было возобновлено на новом месте – на территории воинской части, чья земля, соответственно, находится в федеральной собственности. Сам памятник в этом контексте стал символом, демонстрирующим, насколько болезненными могут быть прагматически не осмысленные попытки механического соединения людей разных культур через мир вещей и предметов. Задевая глубинные, интимные стороны интерпретаций и установок, присущих мусульманам, строительство памятника православному святому, уже само по себе разрушившее гармонию и целостность одного из уютных скверов города, не даст эффекта и для православных жителей республики.

Серьезную проблему в Адыгее представляет отсутствие должного образования курирующих проблемы религии в правительстве и комитетах республики чиновников, зачастую не имеющих представления о хрупкости вверенной им материи. Мне пришлось наблюдать на одной из республиканских конференций, посвященных проблемам и перспективам религиозной ситуации в республике, как во время бурных дискуссий, захвативших интеллигенци - преподавателей вузов, учителей школ - представители соответствующего республиканского ведомства, выполняют, как правило, ритуальную роль и не стремятся продуцировать новые идеи или принимать участие в их обсуждении. При абсолютном внешнем благополучии и активном публично демонстрируемом сотрудничестве лидеров традиционных для региона конфессий – православия и ислама, выражением чего стал созданный 19 апреля 2005г. Межрелигиозный совет, пятое региональное отделение (аналогичные отделения работают в Красноярском и пермском краях, в республиках Калмыкия и Карачаево-Черкесия) Межрелигиозного совета России – очевидно, что угрожающие тенденции только в последнее время стали встречать адекватную реакцию властей республики и Совета ДУМ Адыгеи и Краснодарского края. Соборная мечеть так и не стала культурно-просветительским центром, способным

серьезно влиять на умонастроения молодых мусульман, формирование у молодежи современной адыгской идентичности как российской и исламской одновременно.

При отсутствии у населения информации о традиционной для региона религии, каким является ислам, - о времени и исторических условиях его распространения на Северо-Западном Кавказе, о его позитивном миротворческом потенциале, о служителях мусульманского культа как о носителях мусульманской культуры и образованности в конце XIX – начале XX в., наконец, о Северном Кавказе вообще как регионе взаимовлияния двух культурных потоков – русского православного и османомусульманского – информационная ниша оказывается заполненной более активными представителями нетрадиционных для региона религиозных течений. Именно в эти группы в последние годы наблюдается колоссальный отток адыгского населения. 22 апреля 2005 г. по инициативе Комитета по межнациональным отношениям, образованию, науке, культуре и СМИ Госсовета – Хасэ РА состоялись парламентские слушания, посвященные роли религиозных конфессий в духовно-нравственном возрождении общества. На слушаниях прозвучала тревожная статистика – из опрошенных в Майкопе и районах адыгеи 1000 человек более половины подвергались попыткам вовлечения в нетрадиционные религиозные организации.

С другой стороны, будет продолжаться активизация зарубежных исламских радикалов – В 1994 г. представители религиозно-националистической секты «Нурджулар» пытались открыть в Майкопе частный лицей (школу-интернат), вторично эти попытки были предприняты в начале 2002 г. уже гражданами Азербайджана, также представляющими эту организацию. В 2003 г. в Майкопе по решению арбитражного суда Адыгеи власти закрыли благотворительно-образовательный пансионат исламской (суфийской) организации «Сулейманджи». Пансионат был создан в 2001 г. турецким миссионером Бурджу Наджметтином Исмаилом, который приобрел помещение в Адыгее и оборудовал его для проживания 72 детей, отобранных для обучения в 17 населенных пунктах республики. Официальная причина закрытия пансионата – несоблюдение санитарных норм и отсутствие лицензии на образовательную деятельность. Кроме того, среди сотрудников этого учебного заведения не было ни одного дипломированного педагога. вовремя пресеченные спецслужбами попытки турецких организаций и организовать интернат для детей в 2003 г. в г. Майкопе.

Адыгея в настоящее время действительно стабильна - в республике нет мусульманских духовных общин и организаций, оппозиционных ДУМ Адыгеи и Краснодарского края. ДУМ Адыгеи и Краснодарского края не поддерживает идею возрождения шариатских судов, о чем было заявлено в резолюции съезда мусульман 20 сентября 1997 г. В

республике издаются газеты для верующих – «Тхъэм инур», орган ДУМ Адыгеи, «Тхъэм инэшу», «Читай» - газета Тахтамукайской мусульманской общины. С 1995г. возобновлен хадж, однако число паломников из Адыгеи невелико – в 2003 г. хадж совершило 23 чел, в 2004 г. из-за отсутствия бесплатных путевок ни один мусульманин из Адыгеи не имел возможности посетить святыне города ислама. В 1999-2000гг. в Адыгее было проведено социологическое исследование «Состояние и перспективы ислама в Адыгее», по данным которого тотальной исламизации в Адыгее не происходит, традиционно этническая идентичность превалирует над религиозной. Исламская составляющая проявляется в свадебной (заключение накыха) и поминальной обрядности (заупокойная молитва обязательно совершается духовным лицом, погребальную процессию от дома умершего до кладбища сопровождают только мужчины, тогда как женщины остаются дома).

В 1990 г. в Майкопе было открыто мусульманское кладбище, формирующаяся традиция организации пространства кладбища включает в себя как собственно мусульманские элементы (коранические надписи на арабском языке), так и элементы, заимствованные из русской культуры (посадка цветов и деревьев на могилах, портретные изображения на могильных памятниках, надписи на русском языке). ДУМ Адыгеи уделяет большое значение регламентации этой стороны погребальной обрядности и стремится максимально приблизить ее к нормативной мусульманской традиции.

Адыгея не беспокоит федеральный центр террористической активностью «ваххабитских групп», но это кажущаяся тишина. На фоне экономического неблагополучия – по уровню жизни среди других субъектов федерации, утверждает кандидат экономических наук демограф Василий Пурденко² республика занимает незавидное положение – в пределах от 69 до 82 места, а прирост реальных денежных доходов уступает всем соседним образованиям ЮФО и значительно отстает от общероссийского уровня. При этом доля населения с доходами ниже прожиточного минимума здесь превышает общероссийские показатели, а по уровню среднемесячной зарплаты республика отстает от подобного показателя по стране на 30 процентов. В последний год в республике почти вдвое сократился объем жилищного строительства, а безработных насчитывается по официальным данным 33 тысячи человек. Социальные проблемы и духовный вакуум способствуют тому, что возможное появление какого-либо харизматического лидера, несущего идеи, нехарактерные для российского ислама, может найти отклик в среде молодежи, ищущей себя в этом мире, и соответственно вывести ситуацию из равновесия. Тем более, что «открытость» и незанятость мусульманского поля в Адыгее создает возможность для любых манипуляций общественным сознанием верующих.

Наима Нефляшева, кандидат исторических наук

Центр цивилизационных и региональных исследований РАН

Лит-ра: Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973; Губжоков М. Религиозное сознание адыгов// Религиозные верования адыгов. Хрестоматия исследований. Майкоп, 2000; Зафесов А.Х. О некоторых особенностях распространения ислама в Адыгее и путях преодоления его пережитков// Первая научная конференция молодых ученых Адыгеи: доклады и сообщения. Майкоп, 1970; Ислам и исламизм на юге России // Южнороссийское обозрение. 2002.№11; Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительских учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. С.91-105; Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды Института этнографии. Новая серия. Т.11. Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М,1959; Нефляшева Н.А. Мусульмане Северо-Западного Кавказа: ислам и власть (20-е гг. XX в) // Ислам и право в России. Вып.1. М., 2004; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958.

¹ www.regnum.ru/allnews

² www.sknews.ru/nomer